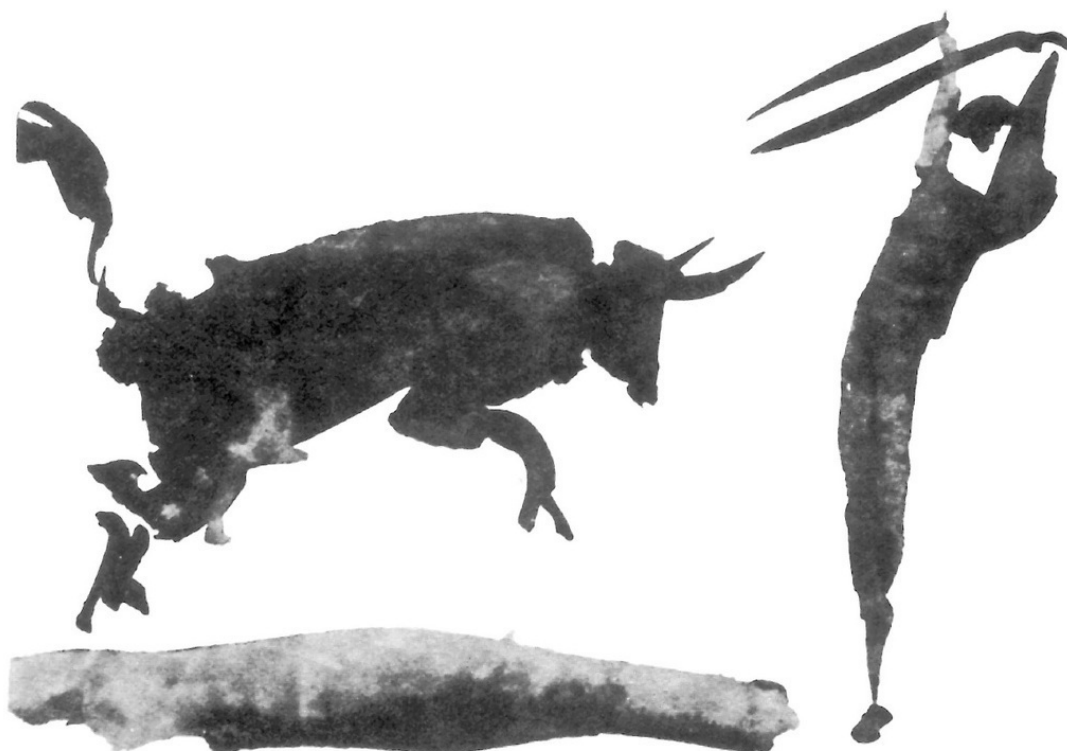

И.В. МАЛЫШЕВ

ЭКЗИСТЕНЦИЯ И БЫТИЕ

Игорь Малышев

Экзистенция и бытие

«Пробел-2000»

2011

УДК 141.3:316+18
ББК 60.0+87.8

Мальшев И. В.

Экзистенция и бытие / И. В. Мальшев — «Пробел-2000», 2011

ISBN 978-5-98604-239-8

Сборник статей доктора философских наук, профессора И.В.Мальшева посвящен проблемам социальной философии и эстетики, которые автор решает в духе позднего Ж.-П.Сартра, то есть синтезируя методологию марксизма и экзистенциализма. Издание адресовано специалистам в сфере философии и эстетики.

УДК 141.3:316+18

ББК 60.0+87.8

ISBN 978-5-98604-239-8

© Мальшев И. В., 2011

© Пробел-2000, 2011

Содержание

Предисловие	6
Экзистенциальный фактор бытия и сознания	7
Экзистенция и бытие	7
Возможна ли истина в гуманитарных науках?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Малышев
Экзистенция и бытие

© И. В. Малышев, 2011 г.

* * *

Предисловие

Современное состояние философии характеризуется сосуществованием множества философских школ и направлений. Причина этого – в многогранности мира, многогранности предмета философии. Однако многие грани мира представляют собой различные проявления его единства, в философии же мир распался, раскололся. Каждое направление – свой особый взгляд на действительность, не связанный с другими. Поэтому одной из важнейших задач мышления представляется «укрупнение» миро-воззрения через синтез содержания различных философских направлений.

К таким задачам, в частности, относится синтез экзистенциализма и марксизма, чему и посвящен данный сборник статей. Заглавная статья «Экзистенция и бытие» осуществляет этот синтез на принципиальном, всеобщем уровне философской антропологии. Что в дальнейшем служит методологической основой для анализа более конкретных проблем социальной философии в первом разделе и эстетики – во втором разделе работы.

Экзистенциальный фактор бытия и сознания

Экзистенция и бытие

Проблему синтеза экзистенциализма и марксизма в конце 50-х годов XX века осознал и попытался решить классик экзистенциализма Ж.-П. Сартр (19). Чуть позже, с 70-х годов началось «встречное» движение от марксизма к экзистенциализму (4; 8; 10; 13; 17). Цель данной статьи – продолжить это познавательное движение, ее особенность – в максимальном использовании данных психологии (особенно работ А. Н. Леонтьева), позволяющих установить ряд посредствующих звеньев между проблематикой марксизма и экзистенциализма.

Ключевые понятия, фиксирующие данную проблематику, понятия «экзистенции» и «бытия». Однако прежде чем рассматривать их соотношение, следует уточнить их содержание. Дело в том, во-первых, что каждый из экзистенциалистов (например, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс) интерпретирует понятие «экзистенция» в своем особом смысле. Во-вторых, термин «бытие» используют обе философские традиции, но с прямо противоположным содержанием. Да и в самом марксизме понятие «бытие» трактуется весьма неопределенно. Тут целое поле для герменевтического анализа. Избегая его, определим тот исходный смысл, в котором указанные термины будут использованы в данной статье. «Бытие» – реальный процесс жизни человека (так, как это понятие использовали классики марксизма в своей работе «Немецкая идеология» (15, с.25)). «Экзистенция» – субъективно-эмоционально-личностное мироотношение индивидуума (как можно обобщить различные варианты этого понятия в работах экзистенциалистов).

Марксизм сосредоточил свое внимание на анализе объективной основы бытия человека. Ее составляет общественная материально-преобразовательная практика, то есть исторически определенный способ производства материальных благ. На данном – объективном социально-экономическом – уровне отдельный человек выступает как член той или иной социально-экономической группы. В классовом обществе он член определенного класса, классового слоя, профессиональной группы, которые в единстве с используемыми ими средствами производства представляют собой производительные силы общества. Именно они являются теми относительно самостоятельными элементами, система отношений которых (структура) образует фундамент общественного целого.

То есть отдельный человек на этом уровне бытия есть лишь «средний индивид», безличная часть производительной силы – социально-экономической группы, к которой он принадлежит объективно. Независимо от осознания своего положения, он занимает определенное место в системе общественного разделения труда, находится в определенных отношениях к другим людям по поводу собственности на средства производства, по способу и мере присвоения общественного богатства. Столь же объективно он оказывается носителем социально-экономических и политических потребностей той группы, частью которой он является.

Если бытие есть реальный процесс жизни человека, то экзистенция – субъективно-личностный уровень бытия. Что и является предметом осмысления соответствующего направления философии. Ж.-П. Сартр, говоря о его родоначальнике, подчеркивает, что С. Кьеркегору пришлось «отстаивать чистую субъективную единичность против объективной всеобщности сущности... эта субъективность, открытая по ту сторону языка как личная участь каждого перед другими и перед Богом, и есть то, что Кьеркегор называл экзистенцией» (19, с. 12).

Характеризуя экзистенцию как субъективно мотивируемую деятельность личности, Сартр выделяет в качестве ее структуры потребность, проект и трансцендентность: «Для нас человек характеризуется прежде всего превосхождением ситуации, тем, что ему удастся сде-

лать из того, что из него сделали, даже если в своей объективации он так и не достигает самосознания. Такое превосходение мы находим в самой основе человеческого и прежде всего в потребности» (19, с. 112). «Итак, человек определяется через свой проект. Это материальное существо постоянно превосходит условия, в которые оно поставлено; оно раскрывает и определяет свою ситуацию, выходя за ее рамки, чтобы объективироваться через труд, действие или поступок» (19, с. 185). «Это постоянное созидание самих себя трудом и практикой и есть наша подлинная структура; не совпадая с волей, она не есть также ни потребность, ни страсть, но наши потребности и страсти, как и самая абстрактная из наших мыслей, причастны этой структуре; они всегда вне себя самих в направлении к... Вот что мы называем экзистенцией, обозначая этим словом не устойчивую, покоящуюся в себе субстанцию, а постоянную потерю равновесия, отрывание от себя самих всеми силами. Так как этот порыв к объективации принимает у разных индивидуумов различные формы, так как он устремляет нас через поле возможностей, из которых мы реализуем одну и исключаем другие, мы называем его также выбором или свободой» (19, с. 185). (В параллель к Сартру можно упомянуть, что М. Хайдеггер характеризует экзистенцию через такие экзистенциалы, как «забота», «набрасывание», «озабоченное делание», «понимание» и т. д. (22)).

С этой точки зрения социальные отношения, образования социальных групп и отношений между ними есть результат взаимодействия индивидуумов, их проектов и субъективно мотивируемых деятельностей:

«Эти связи являются молекулярными, потому что есть только индивидуумы и конкретные отношения между ними (противоборство, союз, зависимость и т. д.)» (19, с. 185).

Приведенные выше высказывания взяты из поздней работы Сартра, в которой он движется в направлении к марксизму. Что проявилось, в частности, в признании того, что сам выбор индивидуума и его свобода ограничены объективными возможностями, определяемыми в конечном счете экономикой и закономерностями ее развития. В более же ранних работах («Бытие и Ничто», «Экзистенциализм – это гуманизм» и др.), там, где экзистенциалистские принципы были выражены, так сказать, «в чистом виде», Сартр утверждал абсолютность свободы выбора личности и вследствие этого абсолютность ее ответственности за себя и за мир: «Человек – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия... Но если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть». «Нет детерминизма, человек свободен, человек – это свобода» (20, с.323, 327).

Не вдаваясь в подробности концепции Сартра, а также других авторов данного направления, отметим, что в их работах осуществлена детальная, обстоятельная проработка субъективно-личностного уровня бытия человека (22; 7; 26).

Изложив основы двух противоположных философских концепций, проследим взаимосвязь объективного и субъективно-экзистенциального уровней человеческого бытия, синтезируя, тем самым, содержание марксизма и экзистенциализма. Подчеркнем, что данный синтез будет осуществлен нами на основе марксистской методологии мышления.

С марксистских позиций наиболее фундаментальный уровень бытия человека определяется материальными потребностями его организма. Как это ни прозаично, но «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. ...» (24, с.350). Эти потребности в значительной мере предопределены биологической природой организма, для физического существования которого необходимы определенные материальные условия. Однако биологические потребности, с которыми человек рождается, в ходе его жизни претерпевают значительную эволюцию под влиянием социальных условий его жизнедеятельности: прежде всего, общественного материального производства, которое производит предметы потребления, а также в зави-

симости от социальных условий потребления. «Потребности производятся точно так же, как продукты и различные трудовые навыки» (14, с. 18). В результате, указанные потребности приобретают биосоциальный характер и находятся в постоянном процессе развития (а в особых условиях и деградации).

Удовлетворение материальных потребностей индивидуума осуществляется в процессе его общественной деятельности и опосредовано активностью его сознания. Согласно психологической теории А. Н. Леонтьева, в самом «потребностном» состоянии предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко «не записан». Только в результате его отражения в сознании, потребность приобретает свою конкретную предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет – свою побудительную и направляющую деятельность функцию, то есть становится мотивом деятельности (10).

В концепции А. Н. Леонтьева под понятием «деятельность» понимается активность человека, направленная на достижение предмета потребности, зафиксированного в мотиве и побуждаемая им. Деятельность состоит из ряда действий, коррелятом которых выступают цели: «Основными «составляющими» отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их действия. Действием мы называем процесс, подчиненный сознательной цели» (10, с.103). Следовательно, цель выступает в качестве промежуточного результата деятельности, направленной на достижение предмета потребности, зафиксированного в мотиве.

Мотивы деятельности, как показал А. Н. Леонтьев, формируются непосредственно в самом процессе деятельности личности. Это – процесс превращения «знания» того или иного объективно существующего явления в побуждающий и направляющий социальную активность человека мотив. В ходе индивидуальной деятельности, побуждаемой определенным мотивом, знание о предмете выступает первоначально как сознательная цель конкретного действия, входящего в состав этой деятельности. Но постепенно действия, все более обогащаясь, как бы перерастают круг деятельности, которую они реализуют, и вступают в противоречие с породившим их мотивом. В результате происходит «сдвиг мотива на цель». То есть цель конкретного действия становится мотивом деятельности, происходит изменение предметного содержания потребности, рождение нового мотива и соответствующей ему новой деятельности. Причем процесс этот зачастую происходит бессознательно (12, с.70).

Отношение того или иного явления действительности к определенному мотиву деятельности личности образует «личностный смысл» этого явления; положительный – если оно соответствует мотиву и отрицательный – если не соответствует. Он обнаруживается в эмоциональном переживании в результате особого акта оценки, в ходе которого данное явление сопоставляется с мотивом деятельности личности. Существенно, что эмоционально-смысловая оценка есть непосредственное соотнесение явления с самим мотивом деятельности, а не со знанием о нем. Субъект оценки совпадает с субъектом деятельности. Мотив деятельности, как правило, не осознаваем. Именно с таким – неосознаваемым – мотивом и происходит прямое сопоставление явления действительности, в результате которого выявляются смысловые отношения между ними. Обнаружением этих отношений и выступают эмоции. Как подчеркивает А. Н. Леонтьев, «при этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственно-чувственном их отражении, о переживании» (12, с.68).

В результате, субъективно мотивированная деятельность всегда окрашена интенсивным эмоциональным переживанием, обнаруживающим личностные смыслы явлений, втянутых в эту деятельность.

Так выглядит с марксистских позиций (конечно, в первом приближении) конкретизация экзистенциалистских понятий «проект», «набрасывание», «забота» и «озабоченное делание». Однако при более детальном анализе бытия отличие марксизма от экзистенциализма проявляется все в большей степени.

Дело в том, что субъективно мотивированная деятельность индивида, его экзистенция, направленная на удовлетворение материальных потребностей, объективно является включенной в общественный процесс материального производства. Производство средств индивидуального потребления имеет общественный характер. В силу этого, объективно индивид включен в ту или иную социально-экономическую группу, участвующую в процессе производства. Он член определенного класса, классового слоя, профессиональной группы, независимо от того, осознает он это или нет. Его действия, составляющие его субъективно мотивированную деятельность, объективно представляют собой выполнение той или иной социальной роли в качестве безличного, «среднего» элемента социально-экономической группы общества.

Цели действий индивида – отражение объективных свойств природных и социальных объектов, на которые направлена преобразовательная активность общества. Результаты такого отражения, закрепленные в языке, образуют систему объективных значений, выступающих в абстрактно-логических формах понятий, суждений, умозаключений. По словам А. Н. Леонтьева, в них «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей, отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (11, с. 134).

Значения формируются в общественном сознании на его обыденном и теоретическом уровнях. Индивидуум в процессе своей социализации присваивает уже готовые, исторически выработанные системы значений. Особую роль в этом играют различные формы коммуникации, основанные на общественной системе языка. Человек, вступая в общение сначала со своим непосредственным окружением, а затем включаясь в общественную систему обучения и практики, имеет возможность узнать о мире столько же, сколько знает о нем современное ему общество.

Особенность коммуникации значений состоит в том, что она протекает как процесс «осведомления», «сообщения» определенного знания об объектах действительности, включенных в процесс общественной практики. Психологи называют этот тип коммуникации «функционально-ролевым». Его непременное условие – точность и однозначность передачи информации об объекте, чему и подчинены специальные коммуникативные средства (2; 5). Таким образом индивидуум осваивает социальный опыт, зафиксированный в системе значений, и который, используя термин С. Х. Раппопорта, можно назвать «опытом фактов» (17 с.47).

Значения в результате этого «ведут двойную жизнь. Они производятся обществом и имеют свою историю в развитии языка, в развитии форм общественного сознания; в них выражается движение человеческой науки и ее познавательных средств, а также идеологических представлений общества – религиозных, философских, политических» (10, с. 147). Их вторая жизнь – в сознании конкретных индивидуумов, где они предстают как цели их действий, реализующих их социальные роли.

Особая гносеологическая роль объективных значений состоит в том, что они (так же как и мотивы) могут выступать в качестве критериев оценки действительности и тем самым участвовать в отражении ее ценности для человека. Однако оценка по объективным значениям существенно отличается от оценки по субъективным мотивам. В данном случае это рационально осознанная операция, в ходе которой познанные явления действительности сопоставляются с результатами познания (осознания) содержания потребности. Критерием оценки здесь выступает выраженное в значениях знание о потребности. Для приобретения этого знания необходимо, чтобы познающий отличал себя от познаваемого, то есть чтобы субъект оценки отличал себя от субъекта – носителя потребности. Результат такой оценки также выражается в абстрактно-логических формах оценочного суждения, отражающего ценность оцениваемого явления.

Таким образом, уже при рассмотрении наиболее фундаментального уровня бытия человека – социальной активности, направленной на удовлетворение материальных потребностей

индивида, – мы констатируем единство его экзистенции (субъективно мотивированной деятельности) и его (бытия) объективной основы (действий, реализующих ту или иную социальную роль в качестве элемента социально-экономической группы). Чему соответствует и единство различных форм сознания – субъективных мотивов деятельности и объективных значений, воплощающих цели конкретных действий.

Над рассмотренным уровнем бытия надстраивается (включая его) социальная практика более «высокого», «макро» уровня. Ее объективную основу составляет общественный процесс материального производства, субъектом которого выступают социально-экономические группы общества. Как таковые, они обладают особыми – «непосредственно-общественными» потребностями.

Вопреки представлениям экзистенциалистов о «молекулярном» (по Сартру) характере общества, марксизм подчеркивает его системную организацию. Семья, малая социальная группа, класс, общество в целом как исторически конкретная общественно-экономическая формация – на всех уровнях общество предстает не как сумма множества составляющих его единиц, а именно как система элементов соответствующего уровня. Это значит, что не все свойства социальной общности возможно вывести из свойств отдельно взятых индивидуумов, которые в нее входят. Социальная общность обладает особыми, системными качествами, которыми она обладает лишь как целое.

К таким системным качествам и относятся непосредственно-общественные потребности. Их первичным субъектом-носителем является социально-экономическая общность как целое. Как единая система она требует для своего существования и развития определенных, прежде всего экономических и политических, условий. Индивидуумы, из которых состоят социально-экономические группы, объективно являются носителями непосредственно-общественных, групповых потребностей, но не как отдельные личности, а как безличные, «средние» элементы социального целого. Они участвуют в социальной практике своих групп генетически первично на уровне действий, составляющих деятельности, мотивированные их индивидуально-материальными потребностями. Другими словами, индивид субъективно добывает себе средства своего индивидуального существования, но в то же время объективно действует как представитель того или иного класса и профессиональной группы общества.

Процесс материального производства, составляющий объективную основу бытия общества (направленный на удовлетворение непосредственно-общественных и индивидуальных материальных потребностей), «обслуживается» прежде всего познавательной деятельностью сознания. Социальный опыт преобразования природы и общества закрепляется в системе значений языка. Институциональной формой общественной познавательной деятельности выступает наука. Объективные значения научного языка – это (в идеале) безличные (или надличностные) результаты отражения объективных свойств реальности. Как таковые, они являются свойствами производительных сил, то есть социально-экономической общественной системы.

Результаты научно-теоретического познания действительности принимают участие и в оценочной деятельности, отражающей ценностные отношения природной и социальной действительности к непосредственно-общественным потребностям общества в целом и его социально-экономических групп, что составляет идеологический аспект общественного сознания, играющий особо значительную роль в философии, теологии, политологии, этике и эстетике.

В то же самое время бытие на уровне общественной практики имеет и личностно-экзистенциальный аспект. Он складывается из деятельностей личностей, движимых особыми «социальными» мотивами. Социальные мотивы деятельности (в отличие от рассмотренных ранее «биосоциальных») отражают «предметы» непосредственно-общественных потребностей. То есть в данном случае мотивом деятельности личности выступает стремление к удовлетворению не ее собственных материальных потребностей, а потребностей той или иной социальной группы.

Объективной предпосылкой этому служит тот факт, что, как уже отмечалось, непосредственно-общественные потребности вместе с тем являются и потребностями индивидуумов, составляющих социально-экономические общности. При благоприятных условиях эти объективно присущие индивидууму общественные потребности получают свое субъективное выражение в его сознании в виде соответствующих мотивов деятельности. Он получает внутренний, сугубо личный, субъективный стимул к деятельности, который в то же время соответствует его объективной потребности как члена определенной социальной группы. Таким образом формирование социальных мотивов деятельности знаменует собой один из существеннейших моментов взаимосвязи объективного и экзистенциального уровней бытия человека.

Рассмотренная экзистенция, как социально мотивированная деятельность личности, является генетическим источником формирования ее особых – духовных потребностей. Механизм их формирования – тот же «сдвиг мотива на цель». С развитием социально мотивированной деятельности личности она из средства удовлетворения общественных потребностей может превратиться для нее в «самоцель», то есть стать самостоятельным мотивом социальной активности. Мотивом деятельности становятся уже не явления, способные удовлетворить социально-групповые потребности, а сама по себе общественно полезная деятельность. «Деятельностный» мотив выполняет функцию потребности личности, причем потребности именно ее сознания.

Образ деятельности, побуждающий к ней, вполне определен. Это образ конкретной деятельности, конкретной по своему предмету, характеру, средствам и требуемому результату. Это подлинный мотив деятельности. Однако в данном случае он же есть и потребность – потребность сознания личности. Именно сознание личности заинтересовано в определенной деятельности. В то время как социальная общность и индивидуум как ее элемент нуждаются в тех или иных явлениях, предметах, обстоятельствах, которые достигаются с помощью этой деятельности.

Например, научная деятельность в своей основе вызвана материальными общественными потребностями – нуждами материально-преобразовательной практики общества. Материальное общественное производство заинтересовано в отражении объективных закономерностей действительности, и познавательно-научная деятельность людей удовлетворяет эту потребность. Однако с развитием познавательной деятельности той или иной личности эта деятельность из обслуживающей общественные (общественно-личные) потребности превращается (объективно оставаясь по-прежнему обслуживающей) в деятельность для нее самоценную, как удовлетворяющую особую потребность ее сознания.

В то же время духовные потребности обладают относительной независимостью от своей генетической основы. Что проявляется и в характере их субъекта-носителя, и в самом их содержании. В отличие от непосредственно-общественных, самостоятельным субъектом-носителем духовных потребностей выступает личность. Это потребности ее сознания, и формируются они в процессе ее деятельности. Последнее принципиально важно. Индивидуум не является носителем духовных потребностей автоматически, выполняя ту или иную социальную роль в структуре общественных отношений. Их формирование опосредовано целым рядом условий. Во-первых, благоприятных для формирования социальных мотивов деятельности, во-вторых, – для преобразования социально мотивированной деятельности в потребность личности. Наконец, содержание уже сформировавшейся духовной потребности зависит от развитости самой духовно заинтересованной деятельности. Можно сказать, что духовная потребность есть личное достижение индивидуума. Что обуславливает относительную независимость духовных потребностей личности от ее объективной социальной роли.

Принадлежа к одному классу, к одной профессиональной группе, люди обладают различной степенью развитости духовных потребностей. Различной и по содержанию этих потребностей, и по их многообразию. Индивидуумы в неодинаковой мере реализуют воз-

возможности, создаваемые объективными социальными условиями (социально-экономическим положением, прежде всего). В этом проявляется активность личности, которая выступает не только продуктом социальных условий, объектом внешних воздействий, но и творцом как себя, так и самих социальных условий. Выражаясь в терминологии экзистенциализма: выбирая и проектируя свою деятельность, личность трансцендирует, превосходит свою ситуацию и самое себя.

Вследствие этого и содержание духовных потребностей приобретает относительную независимость от генетически первичных объективных общественных потребностей. Саморазвитие духовно заинтересованной деятельности и потребности в ней проявляется, в частности, в относительной самостоятельности развития науки в отношении к потребностям и возможностям общественного материального производства. Что в современных условиях привело к опережающему развитию науки, которая «ведет за собой» технологию производства.

Обладая некоторой совокупностью духовных потребностей, человек стремится удовлетворить их в своей общественной деятельности. Относительная самостоятельность этих потребностей позволяет говорить об этой деятельности как особом виде экзистенции личности. Соответственно, и свойство человека как субъекта духовно заинтересованной деятельности надстраивается над его личностными свойствами как субъекта материально заинтересованной деятельности и представляет собой высший уровень в его развитии.

Рассмотренные биосоциальные, социальные и деятельностные мотивы личности в ее сознании объединены в единую и у каждого человека особым образом иерархизированную систему. Характер соподчиненности, различная степень значимости основных мотивов в этой системе играют важную роль в мироотношении личности, определяют ее экзистенцию. Сознание каждого человека включает индивидуальную, во многих чертах уникальную систему мотивов деятельности.

Столь же индивидуализированной оказывается система смысловых отношений действительности к данной личности. Личностный смысл отдельных природных и социальных явлений, смысл действительности в целом и смысл собственной жизни всегда индивидуально своеобразны и порождается прежде всего собственной деятельностью личности. Соответственно индивидуально и эмоциональное мироотношение индивидуума, переживание им своих собственных действий, явлений природы, событий общественной жизни, других людей, той или иной информации, которую он получает в непосредственном общении или через средства массовой коммуникации. Все имеет для индивидуума своеобразный личностный смысл, все окрашено им в своеобразный оттенок его мироотношения, на всем лежит печать его индивидуальности, его особой экзистенции.

В то же время во всем этом нет ни абсолютной уникальности, ни абсолютного своеобразия. То есть и мотивы деятельности, и их иерархия, и личностные смыслы, и эмоциональное переживание мира данной личностью имеют общие черты с другими людьми своей эпохи, класса, профессиональной группы. Ибо, как было показано, все три типа мотивов деятельности личности более или менее опосредовано, но оказываются обусловлены действиями индивида в качестве элемента социально-экономической структуры общества. Кроме этого, формирование мотивов деятельности опосредовано воспитательным воздействием со стороны общества, точнее, господствующего в нем класса, что также вносит свой вклад в социальную «стандартизацию» мотивации и эмоционально-смысловых отношений к действительности.

Следовательно, мы имеем дело именно с относительной самостоятельностью экзистенции личности от объективной основы ее бытия, с отличием личности от «среднего индивида» как «олицетворения экономической категории».

В результате, мы имеем дело с экзистенциально-личностным уровнем общественного бытия, коррелятивным с сознанием человека, состоящем из субъективно мотивированных деятельностей индивидуумов. И если в объективной основе общественного бытия ее первичным

субъектом выступает социально-экономическая общность (класс, профессиональная группа, общество в целом) и она же является субъектом общественных (прежде всего, производственных) отношений, то на экзистенциальном уровне бытия первичный его субъект – индивидуум, отдельная человеческая личность. Причем в этом случае сознание личности, иерархизированная система мотивов ее деятельности является существенно важным, конституирующим моментом.

Тем не менее и на экзистенциальном уровне общественного бытия складываются коллективные субъекты практики. Они формируются на основе объективных социально-экономических общностей, но здесь также нет ни тождества, ни автоматизма в порождении. Эта коллективность производна от индивидуумов, их мотивов и их деятельностей и складывается как результат общности этих мотивов и деятельностей. Вследствие того, что мотивы личности могут не соответствовать ее объективным общественно-личным потребностям, индивидуальный состав коллективного субъекта экзистенциального уровня бытия, как правило, не совпадает с определенной социально-экономической группой. Если последняя дана объективно, то «коллективная личность» складывается в результате деятельностей индивидуумов.

Особую роль в формировании коллективных субъектов экзистенциального уровня бытия играет общение, которое существенно отличается от «функционально-ролевой» коммуникации значений. Это – межличностное общение, в ходе которого происходит обмен личностным опытом деятельности, зафиксированном в эмоциональном отношении к миру и личностных мотивах деятельности. Это не «осведомление», а «заражение» определенным эмоциональным состоянием, не «сообщение», а «приобщение, то есть привлечение «к соучастию в деятельности, достигаемое разнообразными средствами – подражанием, принуждением, прямым или воображаемым включением в ситуацию действия... Этим достигается эффект присутствия одного субъекта в деятельности другого и благодаря такому самоопределению через соучастие становится возможной обоюдная идентификация в опыте, воспроизведение структуры чужого опыта в собственной жизнедеятельности» (4, с.76; 6).

М. Хайдеггер дает весьма утонченный анализ межличностной коммуникации субъективизированных, экзистенциально пережитых значений (правда, необоснованно противопоставляя его передаче переживаний, мнений и желаний): «В речи «явным» образом делятся событием... Языковой показатель принадлежащего речи из-вещения из расположенного внутри-бытия заключен в интонации, модуляции, в темпе речи, «в манере говорить». Сообщение экзистенциальных возможностей расположенности, то есть раскрытие экзистенции, может стать особой целью в «поэтически»-слагающей речи» (22, с.25). Соответствующий характер имеет и восприятие такой речи: «Слушание конститутивно для речи... Вслушивание во что есть экзистенциальная открытость здесь-бытия как со-бытие для другого. Слушание даже конституирует первичную и настоящую, в собственном смысле, открытость здесь-бытия для своего наиглубочайше-личного можествования, как слушание голоса друга, которого всегда носит с собой любое здесь-бытие» (22, с.26).

При формировании коллективного субъекта, включающего значительное число личностей, наряду с межличностным общением большую роль приобретает использование технических средств массовой коммуникации, а также организаторская деятельность церковей, политических партий и профессиональных союзов (1).

В процессе деятельности коллективных субъектов экзистенциального уровня бытия в отношении к их мотивам складываются смысловые отношения, общие для множества индивидуумов, составляющих эти коллективы. Соответственно формируется и общность эмоционального мироотношения. Так постепенно складывается социально-исторический опыт, который, используя термин С. Х. Раппопорта, можно назвать «опытом отношений» (17, с.65). С учетом этого опыта коллективный субъект осуществляет свое воздействие и на отдельных людей и на целые социальные группы, влияя на формирование мотивов их деятельности, на характер

их эмоционально-смыслового мироотношения. Специализированным орудием такого воспитания выступает искусство, которое обращается к освоению социально-исторического опыта отношений, к оценке в его свете и познанию явлений действительности, к проектированию новых отношений для того, чтобы оказать формирующее воздействие на человека (18; 3; 25).

Итак, бытие людей как «реальный процесс их жизни» (15, с.25) представляет собой единство экзистенциального и объективного уровней. Экзистенциальный уровень бытия есть лишь явленная сторона его объективной сущности. С другой стороны, объективный процесс материально-производственного и социального преобразования осуществляется только через свое проявление в экзистенциальном уровне. Поэтому и субъект этого преобразования – социально-экономические группы общества (классы, классовые слои, профессиональные группы) и «средние индивиды» как их элементы, реально существуют только в виде конкретных более или менее индивидуальных личностей, движимых определенными мотивами и объединяющихся в коллективные субъекты по мере родства этих мотивов. И наоборот: субъекты экзистенциального уровня бытия объективно являются членами определенных социально-экономических групп.

Соответствующее единство присуще и различным феноменам человеческого сознания, обслуживающим указанные уровни бытия. В индивидуальном сознании экзистенциальные мотивы деятельности личности – это субъективизированные цели, то есть отраженные в значениях объективные свойства реальности. В свою очередь объективные значения существуют в сознании личности лишь приобретая тот или иной субъективно-личностный смысл в отношении к индивидуальным мотивам деятельности. В общественном сознании искусство, специализирующееся на освоении, концентрации и выражении социально-исторического интересубъективного опыта отношений, включает в себя значения, как отражение объектов этих отношений. В свою очередь научное познание мира, концентрирующее социально-исторический опыт фактов в его объективных значениях, неизбежно детерминируется мотивами научной деятельности ученых. Эти мотивы, будучи конкретно-социально обусловленными, неизбежно корректируют процесс и результаты познания. Поэтому за самой абстрактной естественно-научной и тем более гуманитарной, в частности, философской, теорией скрываются интересубъективные мотивы и эмоции, социально-исторический опыт отношений (15; 21).

Констатируя единство экзистенциального и объективного уровней бытия, в заключение подчеркнем их несводимость и противоречивость. Что вытекает уже из принципиального различия их субъектов. В одном случае – «средний индивид» – элемент социально-экономической общности, в другом – отдельная человеческая личность с ее своеобразным субъективно-эмоциональным мироотношением, порожденным своеобразием ее мотивов деятельности и их иерархией, а в следствие этого и особой системой личностных смыслов действительности. Объективно человек – часть производительной силы общества, участвующий в познании и преобразовании природы и социальных отношений, Экзистенциально – он же – любящий и ненавидящий, надеющийся и разочарованный, озабоченный и беззаботный, радостный и грустный, счастливый и несчастный в своем общественном бытии.

Как безличная часть общества человек «бессмертен». То есть он, конечно, умирает, но продолжает жить в том социальном целом, к которому принадлежит, в своей группе, в человечестве как роде: «листья опадают – дерево растет». Более того, смерть индивида даже нужна его виду. Но с точки зрения экзистенции личности смерть как уничтожение уникального духовного мира – «вселенной», «космоса» личности – ничем не компенсируемая трагедия. Это хорошо прочувствовал и выразил А. Камю: смерть – абсурд, делающая абсурдной всю предшествующую жизнь. И человек подобен Сизифу. Вкатывая на гору свой камень жизненной судьбы, он обречен на то, что перед самой вершиной этот камень скатится к подножию (7).

Как субъективно-личностное, экзистенциальное решение проблемы смерти возникает религиозная вера в загробный мир, в переселение душ. Складывается параллелизм этой веры и

знания, отрицающего такую возможность, параллельное сосуществование в культуре религии и науки. Никакие аргументы последней не в силах опровергнуть религиозную веру, укорененную в особом (и отличном от научного) уровне бытия человека.

Столь же бессильна научная теория и в отношении других экзистенциалов человеческого существования, например, любви. Известно, что «любовь зла – полюбишь и козла». То есть любовь – это неразложимый комплекс положительных личностных смыслов, неопровержимых никакими теоретическими соображениями.

Как справедливо заметил Ж.-П. Сартр, «слова, которые пытаются раскрыть экзистенциальные структуры, ограничиваются тем, что регрессивно обозначают рефлексивный акт... Действительно, понятие направлено на объект (находится ли этот объект вне человека или же в нем самом), и именно потому оно является интеллектуальным знанием. Иначе говоря, в языке человек обозначает себя постольку, поскольку он есть объект человека» (19, с.212). Но это означает, что экзистенция вообще недоступна теоретическому познанию. Поэтому Сартр согласен с Кьеркегором в том, что «субъективная жизнь именно постольку, поскольку она переживается, никогда не бывает объектом знания; она по самой своей сути ускользает от познания, и отношение верующего к трансценденции не может мыслиться как снятие» (19, с. 13).

Экзистенция, по определению, это субъективная интенция, понятие же превращает ее в объект. Но и в таком качестве, то есть в качестве объекта, ее процессуальность не ухватывается дискретностью понятийного мышления. Не говоря уже о том, что понятийно не переводимо содержание субъективно-эмоционального миропереживания. Возможно лишь внешнее (извне) пунктирное (схематическое) обозначение общей (неиндивидуализированной) структуры экзистенциальных актов. Чем и занимается экзистенциалистская философия. То есть по содержанию экзистенциализм (например, в трудах М. Хайдеггера, К. Ясперса) не есть экзистенция, а лишь теоретическое обозначение ее структуры.

Экзистенция доступна не познанию, а «пониманию». «Понимание» же, – как его интерпретируют Хайдеггер и Сартр, – «есть не что иное, как само существование» (19, с.213). Понимать – значит со-переживать, со-участвовать, со-существовать с понимаемым: «Во всяком понимании мира сопонимается экзистенция, и наоборот» (22, с.5). «Ясно выразить это понимание вовсе не означает найти абстрактные понятия, сочетание которых могло бы включить его в концептуальное знание, – это значит самому воспроизвести диалектическое движение, восходящее от претерпеваемых данных к значащей деятельности. Это понимание, которое не отличается от практики, есть одновременно непосредственное существование (поскольку оно проявляет себя как движение действия) и основа косвенного знания существования (поскольку оно постигает существование другого)» (19, с.209).

Наука, теоретическое мышление на это не способны. Ученый в своей профессиональной деятельности должен стремиться свести к минимуму свою индивидуальную субъективность, стать «чистым зеркалом мира». Другими словами, экзистенция ученого состоит в направленности к ее самоисключению в результатах его труда. Ибо он должен стать надличностным представителем социально-экономической общности, в идеале – человечества, обслуживая потребности объективной основы общественной практики.

Функцию постижения и выражения экзистенции в общественном сознании выполняет искусство, и художник, и его зрители (читатели, слушатели) – это действующее понимающее сознание. В краткой формуле Г. Флобера «Эмма – это я» – суть экзистенциального со-бытия двух субъектов: писателя и его героев. Но и процесс «художественного восприятия» романа – это виртуальное со-бытие читателя с Эммой Бовари и Гюставом Флобером, а в результате, при-общение к их экзистенции.

Показательно, что философы экзистенциалисты, испытывая невозможность теоретического познания и выражения экзистенции, реализуют эту свою потребность в художественной

или полу-художественной форме. Таков Сартр в своих пьесах, Камю – в романах, таков Хайдеггер в своих поздних произведениях, а до них и Кьеркегор, и Ницше (22; 23; 9; 16).

Искусство, будучи выражением экзистенциального уровня бытия, ставит границы для своего научного познания. В этом – драматизм ситуации конкретного искусствоведения и эстетики. Последняя может познать закономерности искусства (его предмета, метода, строения произведений, социальной обусловленности и т. п.), но лишь в самом общем виде, схематически. Литературоведение, музыковедение и другие искусствovedческие науки могут вполне адекватно познать синтаксические нормы художественных языков своих видов искусства. Но семантика их оказывается не подвластна теоретической фиксации. Также и в познании отдельных произведений: их строение вполне поддается теоретическому описанию, но их содержание, то есть именно концентрат экзистенциального опыта бытия, понятийно возможно лишь пунктирно и весьма неконкретно обозначить.

Таким образом, рассмотрев единство и противоречие экзистенциального и объективного уровней бытия, мы, вслед за целым рядом авторов, попытались продолжить познавательное движение, направленное на осуществление синтеза марксизма и экзистенциализма, точнее, «экзистенциализма в лоне марксизма» (19, с.215). Так как «не подлежит сомнению, что марксизм является в наши дни единственно возможной антропологией» (19, с.214).

Литература

1. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. – М.,1978.
2. Джидарьян И. А. Психология общения и развитие личности \\\ Психология формирования и развития личности. – М.,1981.
3. Еремеев А. Ф. Границы искусства. – М.,1987.
4. Иванов В. П. Человеческая деятельность. Познание. Искусство. – Киев,1977.
5. Каган М. С. Человек как субъект общения \\\ Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. – Л.,1979.
6. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.,1996.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде \\\ Альбер Камю. Бунтующий человек. – М.,1999.
8. Какабадзе З. М. Человек как философская проблема. – Тбилиси,1970.
9. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.,1993.
10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.,1975.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание.\\ Вопросы философии, 1972,№ 12.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность и личность \\\ Вопросы философии, 1974,№ 5.
13. Мальшев И. В. Эстетическое в системе ценностей. – Ростов-на-Дону, 1983.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов \\\ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.2.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. \\\ Соч., т. 3.
16. Ницше Ф. Так говорил Заратустра \\\ Ницше Ф. Соч. в 2-х томах, т.2. – М.,1990.
17. Раппопорт С. Х. Искусство и эмоции. – М.,1972.
18. Раппопорт С. Х. Эстетика. – М.,2000.
19. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.,1994.
20. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм \\\ Сумерки богов. – М.,1990.
21. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.,1995.
22. Хайдеггер М. Бытие и время \\\ Мартин Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. – М.,1993.
23. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.,1991.
24. Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса \\\ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.19.

25. Яковлев Е. Г. Эстетика. Искусствознание. Религиоведение. – М., 2003.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994.

Возможна ли истина в гуманитарных науках?

Сомнение в достижении истины в гуманитарных науках возникает и по теоретическим, и по эмпирическим основаниям.

Теоретический аргумент в пользу отрицания такой возможности состоит в том, что в науках о человеке (истории, политологии, психологии, этике, эстетике, искусствоведении) действует двойная мотивация: познавательная и экзистенциальная. Экзистенциальный опыт, то есть опыт субъективно мотивированной деятельности личности в конкретных социальных условиях, с одной стороны, стимулирует познавательную активность ученого, направляя ее на наиболее актуальную с точки зрения этого опыта проблематику человеческого бытия. С другой же стороны, тем самым он деформирует результаты познания, так как это приводит к абсолютизации той или иной грани многогранной природы человека. Эмпирически об этом свидетельствует множественность направлений в современной философии, эстетике и искусствоведении, каждому из которых соответствует особая проблематика, особый предмет познания.

Фрейдистская эстетика, например, концентрируется на изучении взаимодействия бессознательного и сознательного в процессе и результатах художественного творчества. Согласно З. Фрейду сущность человека определяется его бессознательными побуждениями, среди которых он придавал особое значение «либидо». Сублимация либидо, точнее, детской сексуальности, по его мнению играет определяющую роль в творчестве художника (8). Гипертрофия роли сексуальности, тем более детской, (ясная уже ближайшим последователям Фрейда) коренится в особенностях экзистенциального опыта автора этой теории. Согласно данным его биографов в 1882 году, когда З. Фрейду исполнилось 26 лет, состоялась его помолвка с Мартой Бернайс. Однако свадьба оттягивалась, к тому же появилась возможность стажироваться в Сальпетриерской клинике в Париже, где он и прожил до 1886 года (10). Рискнем предположить, что именно неудовлетворенность сексуального влечения к своей невесте (а добрачные связи в его среде были не приемлемы) и была сублимирована Фрейдом в теоретической форме. Что привело к преувеличению значения «либидо». Конечно, то, что фрейдизм стал одним из влиятельных направлений философии и эстетики XX века, свидетельствует о том, что действовал и коллективный экзистенциальный опыт. Это было разочарование европейской интеллигенции в «рацио», в позитивистском сциентизме XIX века, порожденное катастрофами мировых войн XX века.

Но и при совпадении исследуемой проблематики (допустим, конкретной эпохи и даже отдельных событий в истории общества) результаты познания и оценки существенно различаются в трудах представителей различных научных школ. Что также является следствием их принадлежности к различным коллективным субъектам экзистенциального уровня бытия. Субкультура таких субъектов, то есть объединений личностей, обладающих общностью социальных мотивов деятельности, определяет ценностные установки, эмоциональное мироотношение и даже «предпонимание» (по Г. Гадамеру) действительности у его членов. А это неизбежно сказывается на результатах конкретных познавательных актов.

Наиболее наглядно экзистенциальная детерминация гуманитарного познания предстает при смене господствующих субкультур, что в конечном счете является следствием смены господствующих социально-экономических групп, классов общества. Пришедшая к власти социально-экономическая группа обеспечивает своим сторонникам в среде гуманитариев материальные и моральные преимущества. С другой стороны, выражение оппозиционного мировоззрения чревато соответствующим «издержками», а в тоталитарных режимах и риском для жизни. В этой ситуации каждый ученый делает свой экзистенциальный выбор. Для некоторых гуманитариев он не представляет проблемы, так как они были сторонниками ныне господствующего класса и до революции. Но для многих – это выбор между «старым» и «новым»

мировоззрением. Который, как правило, решается в пользу приспособления к изменившимся обстоятельствам. Так складывается новый коллективный субъект гуманитарного познания, что влечет за собой и смену господствующих научных концепций.

Пережитая Россией капиталистическая контрреволюция 90-х годов XX века, повлекла за собой радикальное «переписывание» истории. Аналогичная операция была осуществлена и после революции 1917 года. В результате, к примеру, XIX век представлял то как процесс развития революционного движения, то как история правления царей-благотетелей, а революция 17 года как историческая катастрофа России, осуществленная на деньги немецкого кайзера. Как после этого утверждать, что история есть наука, способная постичь объективную истину, а не «политика, обращенная в прошлое»?!

Или, вроде бы удаленная от политики, проблема прекрасного в эстетике. В период Античности были сформулированы несколько теоретических концепций прекрасного: прекрасное как благо (Гомер и др.), как совершенство (Пифагор и др.), как совершенное благо (Сократ), как красота формы (софисты), как единство совершенного блага и красоты (Цицерон). Казалось бы, наиболее адекватная природе прекрасного концепция должна была победить и утвердиться в последующей истории науки. Но это могло быть в том случае, если бы эстетику двигало только познание истины. Реально же каждая из последующих эпох актуализировала то одну, то другую из перечисленных концепций в зависимости от особенностей социокультурных, экзистенциальных ситуаций. В результате, исторический процесс познания прекрасного (и это общая черта гуманитарного знания) приобретает «полифонический» характер. То есть характер параллельного развития нескольких традиций, когда ни одна из них не отмирает совсем, а вновь и вновь возникает, когда складывается соответствующая экзистенциальная ситуация.

Не будем множить примеры. Очевидна субъективно-экзистенциальная составляющая содержания любой гуманитарной науки. Что неоднократно отмечалось, хотя и по-разному аргументировалось, в истории гносеологии (2; 5). Поэтому следует согласиться с Г. Гадамером (2), что гуманитарии остаются лишь осознать субъективность своей исследовательской точки зрения, не скрывать ее, а наоборот открыто ее декларировать. Такое осознание отнюдь не ведет к преодолению субъективности. Если же в результате особого акта самокритики ученый преодолевает ограниченность экзистенциальной позиции своей теории, то это означает лишь то, что он переходит на другую, столь же субъективную.

В качестве примера укажем на интеллектуальную судьбу К. Маркса и Ф. Энгельса. Они начинали как младогегельянцы, принадлежа к левому крылу последователей Г. Гегеля. Затем в «Немецкой идеологии» подвергли эту мировоззренческую (как они считали, мелкобуржуазную) позицию критике, солидаризировались с революционным пролетарским движением и сформулировали основы своей философии (5). Преодолев немецкую идеологию как ложное сознание, К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что смогли выйти на уровень подлинной науки об обществе. Однако последующие полтора столетия исторического развития выявили иллюзорность многих положений их теории. Что было неизбежным следствием и конкретных социальных условий (раннего капитализма) возникновения их теории, и психологически понятного комплекса «нетерпения», свойственного революционерам. Поэтому они (а особенно их последователи – большевики ленинцы) недооценили адаптивные возможности капиталистических производственных отношений и наоборот переоценили революционные возможности пролетариата, имея ввиду наемных работников преимущественно физического труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.